

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

П. В. Ернштедт

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНТРОПОМОРФИЗМ В СЛОВАРНЫХ ЕГИПТИЗМАХ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

*Посвящается памяти
академика И. И. ТОЛСТОГО*

Продолжая исследовать египетские заимствования в греческом языке,¹ автор настоящей статьи объединяет семь греческих слов, представляющих интерес с точки зрения семантического антропоморфизма при их истолковании средствами египетского языка. Это следующие греческие слова: ἄνθος „произрастание“; ἀνθέριζ „колос“; ἀνθερέων „подбородок“; ἀφυσγετός „ил“; ποταμός 1. 1. „река Нил“, 1. 2. „канал (в Египте)“; 2. „река“; τάφρος „ров“; ψέγω „порицать“, „хулить“.

Остановимся прежде всего на следующих трех словах, сходных по своим начальным звукам ανθ.

В греческой лексикографии находим следующие данные о них:

1) у Гесихия² читаем: ἀνθοῦσα· βλαστήσασα „произросшая“, ἄνθος· βλάστησις „произрастание“, ἀνθερέων· ὁ ὑπὸ τὸ γενεῖον τόπος, ἀφ' οὗ μέρους ὁ πώγων ἄρχεται „место под нижней челюстью, в той ее части, с которой начинается борода“.

2) в Etymologicum Gudianum:³ ἀνθερέων· ὁ φάρυγξ παρὰ τὸ ἐκεῖ πρῶτον ἐξανθεῖν τὸ γενεῖον ἢ παρὰ τὴν ἄνθησιν τῶν τριχῶν „глотка — соответственно тому, что там вперые вырастает борода, или же соответственно вырастанию волос“.

Учитывая, что греческий суффикс (ε)ών образует имена существительные, выражающие локальное приурочение, мы получаем звуковой состав ανθερ(ε)-, который и подлежит этимологической разгадке средствами негреческого языка. Следует учитывать, что при наступлении грецизации конечный гласный иноязычного словосочетания игнорировался, а греческий суффикс становился на его место. Это обстоятельство подлежит учету и тогда, когда прототипом греческого слова оказы-

¹ См.: П. В. Ернштедт. Египетские заимствования в греческом языке. М.—Л., 1953, в частности стр. 206.

² Hesychii Alexandrini lexicon. Ed. min. curavit M. Schmidt, Ienae, 1863.

³ Etymologicum Gudianum. Ed. E. L. de Stefani, fasc. 1 (A—B), fasc. 2 (B—Z), Leipzig, 1909.

вается египетское слово или словосочетание. Особо надо отметить, что в составе того ряда звуков, который здесь подлежит объяснению, нет такого гласного, какой по праву мог бы носить ударение египетского слова или словосложения. Обращаясь для объяснения слова $\acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu$ к египетскому языку, мы должны помнить сказанное выше и считать, что конец египетского прототипа, содержащий ударяемый гласный, подпал под грецизацию. Такая судьба постигала египетский прототип и в том случае, если конечное место такого прототипа занимал долгий гласный. Гласный звук в самом конце египетского слова или словосочетания возникал наряду с другими языковыми явлениями как следствие исчезновения окончания [·t] в существительных женского рода. В новоегипетском языке это окончание успело исчезнуть. Но исчезновение не наступало тогда, когда египетское слово женского рода занимало первое место в тесном словосочетании, вторая составная часть которого начиналась с одного из проточных звуков самых глубоких мест артикуляции, а именно одного из двух фарингальных [] и [h] и голосовосвязочного [h]. Исходя из этой двойкой судьбы конечного [·t] существительных женского рода, я объясняю греческое слово $\acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu$ из следующего мною восстанавливаемого новоегипетского словосочетания:

- 1) $in^c \cdot t$ „подбородок“,
- 2) $^c r \cdot t$ „нижняя челюсть“.

Если в условиях фарингально- или голосовосвязочнощелевого характера начала второй составной части словосочетания не имело места исчезновение окончания женского рода [t] первой составной части сочетания, то происходило другое изменение. Оно заключалось либо в исчезновении гласного, предшествовавшего окончанию первого из двух слов, либо в его редукции в такой степени, что оно не воспроизводилось в греческой передаче всего словосочетания. В моем исследовании „Египетские заимствования в греческом языке“ я уже неоднократно исходил из предположения этого комбинаторного явления. Теперь своевременно об этом вспомнить. К трем примерам, которые мы приводили раньше,¹

$$\begin{aligned} *;mw \cdot t^2 \text{ rk}h \cdot t &> ;mw \cdot t \text{ hrk} \cdot t \geq \acute{\alpha}\nu\theta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\chi, \\ *ip \cdot t \text{ hm} \cdot t &\geq \iota\phi\theta\iota\mu\eta, \\ *s \cdot t \text{ h}tj &\geq *c\theta\eta\theta\omicron\varsigma > \sigma\tau\eta\theta\omicron\varsigma, \end{aligned}$$

присоединим четвертый:

$$*in^c \cdot t \text{ } ^c r \cdot t \geq \acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu.$$

¹ П. В. Ерштендт, ук. соч., стр. 161.

² Знак звездочки перед словом или сочетанием слов предупреждает читателя о том, что снабженная им форма не засвидетельствована текстами, а теоретически восстановлена автором работы.

Ю. Я. Перепелкин сообщил мне, что сочетание * $\dot{i}n^c \cdot t \ ^c r \cdot t$ до сих пор египтологии не известно, так же как и первые три из только что приведенных сочетаний. Но, как мы видим, эти восстановленные сочетания не только убедительны как таковые. Они имеют значение как семантические суммы их лексических слагаемых и как иллюстрации закономерного наступления двух фонетически-комбинаторных явлений: 1) сохранения звука [t] окончания женского рода перед фарингальной артикуляцией примыкающего слова и 2) исчезновения гласного [e] окончания женского рода, безотносительно к наличию или же отсутствию условий сохранения согласного [t] того же окончания. Исчезновение гласного [e] окончания женского рода является безотносительным к судьбе согласного [t] того же окончания,¹ при одновременной независимости от фонологического различия обоих языков в отношении гласного [e] окончания. Это доказывается тем, что изменение [n] в [m], наблюдаемое в греческом слове *φάρμακον* „зелье“ по сравнению с его египетской предпосылкой * $\dot{p}hr \cdot t \ n \ \dot{h}k \dot{z}w$ „зелье колдуна“ должно было осуществиться не только после исчезновения согласного [t] вне соприкосновения с [h], но и, очевидно, в условиях полного отсутствия гласного [e], который внекомбинаторно сохранен в коптском существительном *παδρε: φασρι* „зелье“. Параллелизм сочетания * $\dot{p}hr \cdot t \ n \ \dot{h}k \dot{z}w$ с изменением Pn-Rnnpwt-t в *παρμωττε*, очевидно, исключает возможность приписывать непроявление гласного [e] окончания женского рода [·t] в выше названных сочетаниях * $\dot{z}mw \cdot t \ hrk \cdot t$ (<rkḥ·t), * $\dot{i}p \cdot t \ hm \cdot t$ и * $\dot{s} \cdot t \ \dot{h}t$ не подлинному отсутствию гласного [e], а фонологическому различию на почве отсутствия греческого эквивалента кратчайшего гласного [e]. Ср. также копт. *βήντζα* <g;b·t n šrj „ноздря“.²

В отношении семантики необходимо оговорить кажущуюся нелепость того, что обнаруживается при переводе „подбородок нижней челюсти“. Но эта нелепость получается для нас в связи с тем, что мы мыслим подбородок безотносительно к его волосяному покрову у мужчин, или, говоря иначе, — чисто локально в пределах головы человека, и независимо, так сказать, от функции. Если же мы примем во внимание, что по-русски подбородок назван „подбородком“ именно в соответствии с тем, что на занимаемом им месте головы растет борода („подбородок“ = „то, что под бородой“), то сочтем убедительным предположение о том, что наименование „подбородка“, хотя бы и не связанное с нахождением в его составе обозначения волосяного покрова в виде „бороды“, имело

¹ Исключение касается того случая, когда слог окончания являлся единственным слогом слова: *семисе, сесшоо*, где *се* восходит к *š.t*.

² Относительно исчезновения гласных в исконно-неударных слогах генитивных словосочетаний, опосредствованных предлогом, см.: Josef Sturm. Zur Vokalverflüchtigung in der ägyptischen Sprache des Neuen Reiches. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlandes, Bd. 41, 1934, стр. 43—68, 161—179, в частности стр. 171.

в виду понятие места, занятого бородой. Фактическая равноценность с последним любых обозначений подбородка означает, что на место невразумительного сочетания „подбородок нижней челюсти“ следует поставить сочетание, более вразумительно означавшее: 1) „носящее бороду место“ + 2) „нижней челюсти“.

Иллюстрацию неотделимости понятий „подбородка“ и „бороды“ можно найти не только у египтян, но и в наше время в новгородском говоре русского языка,¹ где слово „борода“ означает между прочим и то, что мы в литературном русском языке называем „подбородком“, притом как в отношении мужчины, так и в отношении женщины.² Обратный путь расширения значений наблюдается в употреблении слова „дородный“ (о мужчинах).

Приведенная выше глоссема Гесихия с точностью раскрывает содержание леммы ἀνδρείων. Составным частям египетского словосочетания, которые мною выше восстановлены, следующим образом соответствуют составные части глоссемы:

in ^o .t	} ó		τόπος, ἀφ' οὗ μέρους ὁ πώγων ἄρχεται
r.t	}	ὑπὸ τὸ γένειον	
		„находящаяся“	„внизу нижней челюсти“
			„место, с которого начинается борода“

О первой части этой статьи, а также о моих замечаниях о слове ἀνδρείζ, проф. С. Я. Лурье в личной беседе высказал мне свои сомнения относительно египтологической основы моего объяснения. Не выдвигая, однако, взамен этого объяснения другого предположения и придерживаясь этимологии от слова ἄνθος, он обратил мое внимание на это слово и на то, что представляется производным от него. От слова ἀνδρείων этимологически, видимо, происходит и слово ἀνδρείζ „? выколосившийся стебель“. С. Я. Лурье указал мне на следующее.

1. Лексикограф Ф. Пассов³ под словом ἀνδέω на первом месте приводит значение „hervorspriessen“, „hervorwachsen“ — „произрастать“, указывая тут же: „В этом древнейшем и первоначальном значении — только

¹ Об этом мне впервые сообщил Ю. Я. Перепелкин, а после него — еще уроженцы Новгородской области.

² Из книги Л. А. Булаховского „Введение в языкознание“ (ч. 2, М., 1953, стр. 20) я узнал, что по-чешски brada — „подбородок“, а не „борода“, а по-болгарски и по-сербски брада — „борода“ и „подбородок“.

³ F. Passow. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1841.

еще в Одиссее, ¹ 11, 319, о пробивающихся волосах бороды („vom hervorkeimenden Barthaar“); ср. ἀνήνοθε. Это место Одиссеи гласит:

... πρὶν σφωὶν ὑπὸ κροτάφοισιν ἰούλους
ἀνθῆσαι πυκάσαι τε γένυς εὐανθεί λαχυνῆ.

„... прежде чем младости пух отенил их ланиты и первый Волос пробился на их подбородке...“.

(Перевод В. А. Жуковского).

2. Таково же обычное значение глагола ἐπ-ανθέω у Аристофана:

Nub. 978: ... ὥστε τοῖς αἰδοῖοισι δρόσος καὶ χνοῦς ὡσπερ μῆλοισιν ἐπήνθει.

Eccl. 13: ἀφείδων τὴν ἐπανθοῦσιν φλόγα.

Eccl. 903: τὸ τρυφερόν γάρ ἐμπέφυκε τοῖς ἀπαλοῖσι μηροῖς ἀπὶ τοῖς μῆλοισι ἐπανθεῖ.

С. Я. Лурье обратил мое внимание еще на один текст из Аристофана (Vesp. 1065), где речь идет о древних стариках и где смысл „расцветать“ якобы невозможен вовсе: κύκνου τ' ἴκτι πολιώτεροι δὴν αἰδ' ἐπανθοῦσι τρίχες. Полагаю, что смысл „расти“ < „расцветать“ применим к волосам человека в любом возрасте, также и в старости.

В связи с вытекающей отсюда вторичностью применения глагола ἀνθέω о „цветении“ флоры и первоначальностью значения „произрастать“ напоминаю о двух выше приведенных глоссах Гесихия (леммы ἀνθοῦσιν и ἄνθος).

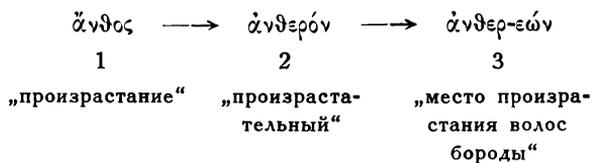
В целях объяснения чисто греческими средствами слова ἀνθερέων из ἄνθος нельзя ссылаться, вместе с С. Я. Лурье, на образования παρθενεών, κέγχρεών, κάλαμοι. По аналогии этих слов у нас получилось бы *ἀνθεών, а не ἀνθερέων. Ведь эти слова не содержат ничего, кроме основы существительных παρθένος, κέγχρος, κάλαμος и суффикса -εών. У них нет того суффикса -ερε-, который нельзя было бы не признавать в слове ἀνθερέων в том случае, если бы мы попытались его объяснить греческими средствами, т. е. путем нормального словообразования от слова ἄνθος. Именно поэтому в основу значения слова ἀνθερέων не могло бы быть положено значение „место цветения“ или „место волос“, а должно было бы быть положено „место цветистых“ или „место волосатых“! Иначе как с полным учетом значимости каждого словообразовательного элемента нельзя подходить к воссозданию состава слова ἀνθερέων исконно греческими средствами, т. е. средствами, отвечающими предпосылке об индоевропейском происхождении греческого языка. Другое — если движущим рычагом словообразования считать путь абстракции, покоившейся на иррациональном анализе — анализе „народноэтимологическом“. Тогда от ἀνθερέων „место произрастания волос“ (< „носящее бороду место нижней челюсти“) вто-

¹ Homeri Odyssea, rec. A. Ludwich, vol. prius. Lipsiae, 1889.

ричный анализ, так называемая „народная этимология“, мог привести к ἄνθος „произрастание волос (в качестве показателя наступления половой зрелости)“, а отсюда антропоморфистически: „(ботаническое) произрастание“, и дальше „цветение“, „соцветие“, игнорируя элемент -ερ- со стороны семантической, т. е. считаясь с ним только как со словообразовательным элементом, без четкой согласованности с семантической нагрузкой.

С семантической точки зрения недепо класть в основу образования ἄνθερέων восстанавливаемое слово *ἄνθερός или *ἄνθερόν, с естественным для его состава значением „волосатый“ ~ „цветистый“, „волосатое“ ~ „цветистое“. Однако слово ἄνθερέων, формально походившее на греческое существительное, образованное от имени *ἄνθερόν, при искусственном и сознательном ретроспективном словотворчестве, привело к созданию основы ἄνθερο-, хотя бы в виде первой атрибутивной составной части сложного прилагательного ἄνθερόχειλος „бородатогубый“, „волосатогубый“, „с волосами на губе“, читаемого не раньше, чем у Цецца.

Если бы не два тысячелетия, лежащие между Цеццом и Одиссеей, то можно было бы предпочесть путь производства ἄνθερέων от ἄνθερόν, а далее — от ἄνθος, обратному пути. Но помимо соображения о хронологии примеров представляется невозможным обставить семантически убедительно формально гладкое направление словообразовательной эволюции слов:



Именно невозможность установления поступательного развития между понятиями (2) и (3) не в отношении словообразования, а в отношении истории значения (подобной случаю περιστέρᾱ ~ περιστέρων „голубь“ ~ „голубятник“) является решительным доводом в пользу того, чтобы считать последовательность возникновения названных слов обратной последовательности выше приведенных слов (1)—(3).

Иначе говоря, слово ἄνθος стоит не в начале, а в конце той эволюции, которая пришла в действие с появлением у греков слова ἄνθερέων как передачи египетского словосочетания *in^c.t ʿr.t „носящее бороду место нижней челюсти“ = „подбородок“.

Можно предположить, что непосредственно не засвидетельствованная промежуточная ступень *ἄνθερόν между образованиями ἄνθερέων „место, на котором растет борода“ > „подбородок“ и ἄνθος * „произрастание волос бороды“ > „произрастание (растений)“ сохранилась в содержащем еще один суффикс образования ἄνθερίζ. Относительно последнего нельзя считать определенно установленным, означало ли оно „стебель

колоса“ или „самый колос“. В обоих случаях семантической параллелью служит немецкое слово „Bart“ в антропоморфическом применении к совокупности остей колоса. К сожалению, нельзя быть целиком и полностью уверенным в том, что слово ἀνδέριξ (учитывая его суффикс -ιξ) играет роль исторического посредника между ἀνδρεών и ἄνθος. Возможно возражение, что ἀνθέριξ „выколосившийся стебель“ получилось через контаминацию так или иначе возникшего ἄνθος „произрастание“ и ἀθήρ, -έρος „ость колоса“, происхождение которого неясно, принимая во внимание, что согласный [n] путем звукового изменения исчезнуть не мог.

* * *

Переходим к разбору слова ἀφυσγετός „ил“. В лексикографической литературе мы читаем у Гесихия: ἀφυσγετόν· συρφετόν· ἀκαθαρσίαν· κόπριον „сор“, „нечистоты“, „помет“; в Etymologicum Magnum: ¹ ἀφυσγετόν, ἰλυῶδες καὶ συρφετόν παρὰ τὸ ἀφύω... „илистое и сор, от глагола ἀφύω...“; Etymologicum Gudianum: ἀφύσγετος sic, ἡ ἀκαθαρσία καὶ ὁ ῥύπος, ἀπὸ τοῦ ἀφύσσειν ὑπὸ τοῦ ῥεύματος „нечистоты и грязь — наносимые течением...“.

В этимологическом словаре Бузака ² читаем: „слово темное; гипотеза — у Бедденбергера ВВ 27.151: ³ готское usbaugjan «мести»“. Заметим, что эта гипотеза не выдерживает критики.

Единственным нам доступным источником этого слова является следующее сравнение у Гомера, Илиада, ⁴ 11(Δ), 495 (492—497):

ὡς δ' ὅποτε πλήθων ποταμὸς πεδίονδε κάτεισιν
 χειμάρρους κατ' ὄρεσφιν, ὀπαζόμενος Διὸς ὄμβρω,
 πολλὰς δὲ δρυὸς ἀζαλέας, πολλὰς δὲ τε πεύκας
 ἐσφέρειται, πολλὸν δὲ τ' ἀφυσγετόν εἰς ἄλα βάλλει,
 ὡς ἔφερε κλονέων πεδίον τότε φαίδιμος Αἴας,
 δαίζων ἴππους τε καὶ ἀνέρας.

„Как устремляется с гор̄ на равнину поток полноводный,
 Вспухший от вод снеговых и от зевсовых ливней жестоких;
 Много с собою несет и дубов он засохших и сосен,
 Много, бушуя, бросает он ила в шумящее море;
 Так же тогда и могучий Аякс бушевал на равнине,
 Коней разя и мужей“.

(Перевод В. В. Вересаева).

Значение „ил“, присваиваемое этому слову — повидимому справедливо — словарями, допускает при данном звуковом составе установле-

¹ Etymologicum Magnum. . . opera Fr. Sylburgii. Ed. nova correctior. Lipsiae, 1816.

² E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1914.

³ Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Bd. 27, 1902, стр. 151.

⁴ Homers Ilias, ed. D. B. Monro a. T. W. Allen. Ilias, I—II. Oxford.

ние преемственной связи между ним и египетским глаголом $\square \int \Delta \text{r}^{\text{m}} \text{p}^{\text{t}} \text{r}^{\text{sg}}$ „выплевывать“.

Учитывая (1) явное тождество данной суффиксации с суффиксацией слов $\nu\phi\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ и $\acute{\upsilon}\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$; (2) вероятность объяснения гласного [u] греческого слова как результата сокращения в греческом закрытом слоге того долгого [u:], который отвечал бы египетской долготе [o:] первого слога египетского инфинитива; но (3) одновременно наличие в начале слова $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ звукового элемента [a], не объясняющегося из указанного сопоставления, мы приходим к заключению, что глагольная предпосылка слова $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ на греческой же почве явилась результатом развития не по прямой линии.

Подобно тому, как $\nu\phi\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ соотнесено с $\nu\epsilon\acute{\iota}\phi\omega$, а $\acute{\upsilon}\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ — с $\acute{\upsilon}\omega$, и существительное $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ предполагает глагол $*\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$.

Этот глагол $*\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$, разумеется, нельзя возводить путем звуковых изменений к известному греческому глаголу $\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega$ „выливать“, „вычерпывать“.

Единственно правильным путем будет предположение, что он происходит от незасвидетельствованной формы $*\pi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$ „выплевывать“, отражая египетский глагол r^{sg} „выплевывать“, но помимо того подвергся контаминации с греческим глаголом $\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega$ „выливать“, „вычерпывать“, который с ним был сходен и по звукам и по значению. Однако в отношении значения можно предполагать, что результат контаминации воспроизводит в точности значение египетского глагола r^{sg} „выплевывать“.

Гомеровское существительное $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ с его значением „выносимые рекой массы ила“ связано с природой устья реки, и его следует отнести на счет того же антропоморфизма в словотворческом отражении явлений физической географии, какое свойственно самым различным языкам. Ниже это же нами установлено относительно слова $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ как восходящего к египетскому словосочетанию, означающему буквально „губы воды“.

Если очертания реки (первоначально только у ее устья?) уподобляются человеческим губам, то последовательно приравнивать приносимый течением реки мусор и ил, подлежащий удалению за пределы устья, той слюне, которую человек выплевывает либо вместе с мокротой, либо с такими составными частями пищи, которым он не дает доступа внутрь организма.

* * *

Слово $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ имеет два значения: 1. 1. „река Нил“, 1. 2. „канал (в Египте)“; 2. „река“.

В словаре Бузака под этим словом читается: „fleuve, rivière; sens prim.: eau qui se précipite“ („река; первоначальное значение: вода, кото-

рая устремляется“). Далее это образование возводится к индоевропейскому *peta „быстро двигаться“, „срываться“, „лететь“, „падать“.

Не подлежит сомнению (1), что высказанное Бузаком мнение отвечает мнению прочих индоевропейцев, а (2) что оно передает те самые мысли, которые с названным словом были связаны у древних греков: тому порукой читаемые у Гомера сочетания с эпитетом διπετής „ниспадающий с неба“. Ср. Илиада, 4 (Δ), 581:

ἄψ δ' εἰς Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο
στῆσα νέας...

„снова я поставил корабли в (воде) Египта, бегущего с неба потока...“;

(Перевод мой).

16 (π), 174:

Μενέσθιος...
υἱὸς Σπέρχειο διπετέος ποταμοῖο

„Менесфий, сын Сперхея, бегущего с неба потока“;

(Перевод мой).

21 (Φ), 327 (после слов Скамандра к Симоису):

πορφύρεον δ' ἄρα κῆμα διπετέος ποταμοῖο
ἴστατ' ἀειρόμενον, κατὰ δ' ἤρεε Πηλείων

„Встала, вздуваясь, волна поимого Зевсом потока,
Верх высоко поднялась, опрокинуть грозя Ахиллеса“;

(Перевод В. В. Вересаева).

Одиссея, 4(δ), 447 (прорицания морского старца Протея):

οὐ γάρ τοι πρὶν μοῖρα φίλους τ' ἰδέειν καὶ ἰκέσθαι
οἶκον εὐκτίμενον καὶ σὴν ἐς πατρίδα γαῖαν,
πρὶν γ' ὅτ' ἂν Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο
αὐτίς ὕδωρ ἔλθῃς ῥέζῃς θ' ἱεράς ἑκατόμβας
ἀθανάτοισι θεοῖσι, τοὶ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν.

„Знай, что тебе суждено не видеть ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчины
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам“.

(Перевод В. А. Жуковского).

Оба упомянутых направления мысли, как научное, так и ненаучное, воспроизводят на этот раз не подлинные генетические связи, а только те связи, которые подтасовывает так называемая „народная этимология“,

действие которой, как известно, порой отражается и на звуковом составе того, чем она завладела.

В основе объяснения слова ποταμός „река“ я вижу египетское словосочетание šp·tj mw (вариант: šp·tj n mw) „берега́ воды“, дословно „губы воды“.

Это объяснение не является вполне очевидным. Обращаюсь к истории значения. По этой линии можно сослаться на сходную историю французского слова rivièrè „река“ ← *riparia от прилагательного riparius „береговой“. Можно сослаться на слово „губа“ как обозначение широкого устья наших северных рек. Ведь слово „губа“ первоначально не могло не относиться к берегам, окаймлявшим устье, подобно греческому слову χεῖλος „берег“, которое так и осталось без прямого отношения к стихии воды (и которое относится к берегам независимо от степени их близости к устью).

Но древнейшие данные самого греческого языка говорят о значении именно этого же слова ποταμός, о котором мы ведем речь.

У Гомера слово ποταμός связано с подлинным значением „река“ не без исключений. Остались следы другого, очевидно более древнего, значения, которое сближает слово со значением египетского словосочетания, положенного мной в основу слова ποταμός.

Вот примеры до сих пор не выявленного более древнего значения. Илиада, 18 (Σ), 521:

οἱ δ' ὅτε δὴ ῥ' ἴκανον, ὅθι σφίσιν εἶχε λοχῆσαι,
ἐν ποταμῷ, ὅθι τ' ἀρδμός ἔην πάντεσσι βοτοῖσιν,
ἔνθ' ἄρα τοί γ' ἴζοντ' εἰλυμένοι αἴθοπι χαλκῷ.

„К месту пришли, где всего им удобней казалась засада:
На берегу у реки, где обычно скотину поили.
Там они сели на землю, блестящей одетые медью“.

(Перевод В. В. Вересаева).

Одиссея, 5 (ε), 466:

ὦ μοι ἐγὼ, τί πάθω; τί νύ μοι μήκιστα γένηται;
εἰ μὲν κ' ἐν ποταμῷ δυσκηδέα νύκτα φυλάσσω,
μή μ' ἄμυδις στίβη τε κακὴ καὶ θῆλος ἔερση
ἐξ ἐλιγυπελῆος δαμάσῃ κεκαφῆστα θυμόν.
αὔρη δ' ἐκ ποταμοῦ ψυχρὴ πνέει ἥῳδι πρό.

„Горе мне! что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и холодный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишённого сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром“.

(Перевод В. А. Жуковского).

Во втором, более показательном, из приведенных текстов неизбежным минимумом отступления слова *ποταμός* от значения „река“ приходится считать значение „река вместе с ее берегом“, „поток реки вместе с прилегающими полосами берегов“, прежде всего в применении к соединению *ἐν ποταμῷ*. Правда, следует допускать, что как раз здесь наилучшим образом подошло бы даже такое значение слова *ποταμός*, которое еще точнее воспроизводило бы значение египетского прецедента этого слова, т. е. значение, точно отвечающее составу слов *šp·tj mw „губы (= берега) воды“.

Но едва ли мы здесь имеем значение „берег“. Такое значение можно, конечно, попытаться приписать настоящему месту из того соображения, что ему послужит параллелью двоякое значение французского слова *rivière* как восходящего к слову **riparia* от *ripa* „берег“ и что словарям известно значение „на“ предлога *ἐν* как такое его значение, которое делает сочетание предлога „на“ с существительным приемлемым для данного контекста в духе параллелизма *ποταμός* ~ *rivière*. Отметим, что близость слов *ἀρχὴ δ' ἐκ ποταμοῦ ψυχρῆ πνέει*, если за предлогом *ἐκ* должно быть признано доподлинное значение „из“, не говорит в пользу признания здесь за словом *ποταμός* в стихе 457, а следовательно, и в стихе 467, значения „берег“, как альтернативного по отношению к значению „река“. Ведь понимание „из берега“ представлялось бы по своей несуразности одинаково неприемлемым, как и перевод „из реки“ (в отличие „от реки“). Таким образом, основываясь на чисто греческих данных семантики, мы получаем определенно неудовлетворительное понимание обсуждаемого места. Притом, если мы примем предлог *ἐκ* с такой же определенностью в смысле значения „из“, с какой мы только и могли принять предлог *ἐν* в смысле „в“ = „в пределах чего“, то получится, что Одиссей говорил об утреннем ветерке как дующем из ближайшего окружения реки, т. е. вдоль течения реки, в ее обрамлении берегами, к тому устью, возле которого предстояло заночевать Одиссею. А значения „от“ = „в направлении от чего“ для гомеровского *ἐκ* мы не знаем.

Относительно существительного *ποταμός* в упомянутых местах Гомера значение „река“ не может быть допущено ни применительно к данному примеру сочетания *ἐν ποταμῷ*, ни к данному примеру сочетания *ἐκ ποταμοῦ*, так как этому противоречит смысловая связь, вытекающая из полноценного учета значения предлогов: с одной стороны, предлога *ἐν* „в“ = „внутри чего“, „среди чего“, а с другой — предлога *ἐκ* „из“ в отличие от *ἀπὸ* или *παρά* „от“. Комментаторы Амеис и Гентце,¹ предлагая перевод „у реки“, очевидно, поступали так потому, что не представляли себе иной возможности примирить якобы хорошо известный

¹ Homers Odyssee. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Fr. Ameis u. C. Hentze, Bd. I, H. 1, Ges. I—VI, 9. Aufl. Leipzig, 1890.

объем значения существительного *ποταμός* с предположением, согласно которому смертельно усталый от плаванья в море Одиссей взвешивал бы возможность проведения ночи „в самой реке“, но при этом опасался не длительности пребывания в воде и не ее температуры, а предутренней изморози и росы! Именно к искажению значения предлога и должны были неизбежно привести египтологически не выправленные представления классических филологов о смысловом значении этих двух слов: предлога и существительного.

Греко-египетские факты, касающиеся слова *ποταμός*, можно, согласно изложенному, освещать в том смысле, что в египетском языке было сочетание *šp·tj mw*, не объединенное в отношении выражаемых двух понятий, но гласившее о соотношении реки с ее берегами. Доступное же нам греческое воспроизведение названного сочетания только в виде исключения отражало у Гомера причастность слова *ποταμός* к двум смежным понятиям, т. е. к воде и суше. В остальном же и у Гомера и в позднейших источниках оно отвечало развившемуся на греческой почве значению „река“. Но следует иметь в виду и другой вопрос, — не было ли значение „река“ подготовлено развитием словосочетания **šp·tj mw* еще на египетской почве. В этом случае оба значения, выражающие как понятие „реки и прилегающей суши“, так и „реки (без ее берегов)“, были бы основаны на заимствовании.

Позволяю себе обратить внимание на то, что толкование новоегипетского сочетания *gmw šp·tj mw*, читаемого уже в среднеегипетском тексте,¹ не звучит убедительно, когда его переводят „рыбы берега“ = „рыбы, плавающие у берега“. Сам издатель Эрман пишет: „Серия родительных падежей *gm špt n mw* «рыбы края воды» несколько подозрительна“. Мы спрашиваем: не значит ли приведенное словосочетание попросту „речные рыбы“, „рыбы реки“?

Эберс,² переводящий это место также „рыбы берега“, т. е. якобы = „рыбы, плавающие у берега“, привлекает из другого, им не названного, текста сочетание *šp·tj mw* и переводит „обе губы воды“.

Если бы догадка о том, что сочетание *šp·tj mw* уже в египетском языке допускало не только значение „берега воды“, но и „река“, оправдалась, то получалось бы, что акту заимствования сопутствовали оба значения, представленные в греческом языке (см. выше сказанное о стихах Илиады, 18, 522, и Одиссеи, 5, 467).

Что касается упомянутого выше значения слова *ποταμός* „канал“,³

¹ A. Erman. Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. Berlin, 1896.

² G. Ebers. Die Körperteile, ihre Bedeutung und Namen im Altägyptischen. Abhandl. der Bayer. Acad. d. Wissenschaften, I Kl., Bd. 21, 1 Abt., München, 1897, стр. 45—123.

³ См. словари: H. G. Liddell a. R. Scott. Greek-English Lexicon. A new Edition revised. . . by H. S. Jones. Oxford, Reprint, 1948; F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. . . Heidelberg, 1924 и сл.

то ясно, что оно появилось не в такой стране, которая не знала каналов и, следовательно, едва ли могла дать своему языку повод к появлению в нем значения „канал“ у существительного, имевшего в качестве первоначального значения „берега“ \leq „губы воды“. По вопросу об исторической последовательности появления обоих названных значений „река“ и „канал“ следует, в соответствии с указанными выше составными частями прецедента слова *ποταμός*, считать, что ни одно из названных значений „река“ и „канал“ слова *ποταμός* не является вторичным по сравнению с другим. Египетское словосочетание означает первоначально „губы воды“ и тем самым годится как прототип слова *ποταμός* любого варианта значения. Ведь указанным составом египетского словосочетания, имевшего более древнее значение, еще не вполне утраченное греческим словом *ποταμός*, никак не затрагивается вопрос, имеется ли в виду русло реки и ее берега искусственные или естественные.

До сих пор мы останавливались на истории значения этого слова, прибегнув к предположению, что этимология и в остальном благополучна. Но в историко-звуковом отношении нет полноты соответствия между египетским словосочетанием и греческим словом. Наблюдаемую долю неточности звукового взаимоотношения следует приписать так называемой народной этимологии. При чисто фонетическом способе воспроизведения египетский согласный [t] в положении после гласного должен был быть отражен греческим придыхательным зубным. Тот факт, что слово *ποταμός* содержит зубной без придыхания [t], следует относить за счет народноэтимологического сближения греками египетского сочетания с греческим глаголом *πέτομαι* и *ποτέομαι*, неотъемлемой частью которого являлся зубной без придыхания. По этому поводу напоминаю о слове *τοξότης* „лучник“, в котором второй [t] (написание τ) мной объяснен под словом (*τοξότης*) путем предположения, что данная часть слова, восходящая к египетскому слову **sote* „стрела“, была приравнена греческому суффиксу *-ότης*, в результате чего далее возникло слово *τόξον* „лук“.¹

В том, что словом *ποταμός* не был воспроизведен начальный звук формы **σποδαμός*, сыграли свою роль стереотипные сочетания с такими именами, которые в одном, двух или трех падежах оканчивались на согласный [s]: я имею в виду сочетания *Αἴγυπτος* **σποδαμός* и *ἵππος* **σποδαμός*; первое отражено в виде *Αἴγυπτος* *ποταμός* (Одиссея 14, 258 = Одиссея 17, 428), второе — в виде *ἵππος* *ποτάμιος*.

В фонетическом прецеденте известного сочетания *ἵππος* *ποτάμιος* „гиппопотам“ соприкосновение двух [s] осуществлялось в падежных формах *ἵππος*, *ἵππος* и *ἵππους*. Слияние конечного и начального [s] было поводом к пересмотру начала второго слова, при содействии этому же народноэтимологического сближения с *πέτομαι*, *ποτέομαι*.

¹ П. В. Ернштедт, ук. соч., стр. 77 и сл.

При содействии этого же сближения с πέτομαι могли участвовать в устранении начального согласного [s-] также соединения с предлогом ἐνς (позднее — εἰς или ἐς) и ἐξ, ἐκ. В сочетании *ἐνς σποδαμόν, при неизбежности слияния двух [s], в сопоставлении с ποτέομαι получалась новая граница слов — ἐς ποταμόν. Сочетание ἐκ *σποδαμοῖο, при условии содействия того же сопоставления с ποτέομαι, исправляло неубедительное в синепии *ekspota'moio в том смысле, чтобы звукосочетание (eks-), как напрашивавшееся на восприятие в смысле одного из вариантов предлога ἐξ, ἐκ, было подменено вариантом ἐκ за счет того [s], который исторически принадлежал имени.

К числу таких сочетаний с предшествующим словом, которые могли серьезно содействовать утрате начального [s-], едва ли будет правильно присоединять сочетание διπτεῖς ποταμός, διπτεῖος ποταμοῖο, примеры которого даны в начале этого раздела статьи, и εὔρρεῖς ποταμός, εὔρρεῖος ποταμοῖο (Илиада, 6,508). Если эти сочетания, как таковые, и содействовали процессу отчуждения [s-], то только в такой мере, в какой язык поэзии способен влиять на повседневную речь.

Что касается сочетаний с теми формами будущего артикля, τόνς и τοῖς, которые в пору проникновения к грекам предполагаемого нами заимствования служили указательным местоимением, то следует отдать себе отчет в том, что упоминание рек во множественном числе при помощи слова, не сразу ставшего употребительным в отношении любых рек, не могло быть столь же древним, как только что упомянутые обозначения Нила и гиппопотамов, или „нильских лошадей“. Гиппопотамы первоначально связывались с определенной рекой — Нилом.¹ Осмысление слова „гиппопотам“ в смысле „речная лошадь“ было делом сравнительно позднего времени (того времени, когда слово ποταμός стало полноценным именем нарицательным, отвечавшим родовому понятию „река“, а первоначально под этим обозначением ἵππος ποτάμιος разумели не что иное, как „лошадь реки Нила“).

Что касается состава гласных после зубного согласного, то очевидно, что приписывать прототипу греческого слова тот краткий [u], на который оканчивается форма двойственного числа, застывшая в коптском слове спотоѳ „губа“, стоящем с артиклем либо единственного, либо множественного числа, не приходится, поскольку древняя форма двойственного числа гласила šp·tj, как выше уже упомянуто. Гласный, по-египетски предшествовавший второму компоненту и давший по-гречески [a], звучал так уже в египетском прототипе. Доказать это как фонетическую закономерность я не могу и считаю допустимой мысль, что соответствующая часть слова, если она отличалась от сочетания звуков -αμός, могла быть уподоблена таким словам на -αμός, кото-

¹ Ведь прочие реки Африки, в которых водился гиппопотам, древним известны не были.

рые нам известны в виде *χηρ-χμός* „щель“, *οὐλ-χμός* „толчая“. Но чисто фонетическое объяснение гласного [a] на основе прецедента *šp·tj* представляется непроверяемым. Во всяком случае нельзя приписывать, вопреки написанию *šp·tj*, новоегипетской эпохе коптский состав *spotu* (спотот), означающий морфологическую замену окончания двойственного числа женского рода его же окончанием мужского рода, в связи с чем в коптских источниках данное существительное частично имеет мужской род (песпотот).

Антропоморфический прием обозначения „берега“ при помощи слова, первичным значением которого было „губа“, „губы“, мы имеем в греческом существительном *χείλη* (τοῦ ποταμοῦ) „берега (реки)“ ← „губы“, а также в коптском существительном *spotu*, спотот или сфотот „губа(-ы)“ > „берег“ (как берег реки, так и берег моря), как явствует из соответствующих атрибутивных соединений.¹

Египетское обозначение Нила с помощью словосочетания, положенного нами в основу объяснения слова *ποταμός*, являлось чем-то средним между именем собственным и именем нарицательным. Применяемое к единственной реке Египта, это словосочетание было прежде всего именем собственным, пока им пользовались на территории самого Египта или же в беседе между египтянами. Но вместе с тем это слово стало именем, годным к применению к рекам любой страны, в качестве имени нарицательного. В этом отношении со словом *ποταμός*, возникшим у греков-ахейцев, современников Нового царства, бывавших и в Египте дело обстояло не иначе, чем у авторов среднегреческих текстов Египта, читавшихся как в самой этой стране, так и вне ее.

Я имею в виду такие тексты, как апофтегму 32-ю, об отце Арсении (Arophth. patrum²), где в устах уроженцев Египта, беседовавших на его территории, *ὁ ποταμός* — то же самое, что *ὁ Νεῖλος*,³ с той только раз-

¹ Житие святых Максима и Домития, стр. 290 (= *Annales du Musée Guimet*, t. 25, 1894, стр. 290): **μαρεμμοσι. . . εχεν παг сфотот нернс нте фюм. . . шатенρωл ераноф** „двинемся. . . по этому южному берегу моря. . . , пока не прибудем в Александрию“, и дальше там же: **еншбр са паг сфотот нернс нте фюм шатенρωл ераноф** „мы плывем под парусами вдоль этого южного берега моря“ и т. д. В обоих случаях „берег моря“ выражен словами, первое из которых обозначает первично только губу. Можно думать, что принцип обозначения „берега“ не только реки, но и моря, словом, первоначально обозначавшим „губы“, основан на еще древнеегипетской семантике слова *šp·t* „губы“. Ср. А. Ерман и Н. Гаров. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Leipzig, 1926 и сл. под словом *šp·t*; W. Spiegelberg. *Koptisches Handwörterbuch*. Heidelberg, 1921, стр. 122, под словом **СПОТОТ**.

² *Patrologiae cursus completus*, ed. Migne, Series graeca, v. 65, 1864, стр. 97 и сл.

³ Там же, стр. 100, А: **Δεῦρο μετ' ἐμοῦ ἕως τοῦ ποταμοῦ καὶ ζήτησόν μοι πλοῖον ἐπὶ τὴν Ἀλεξάνδρειαν καταπλέον** „Пойдем вместе со мной до реки, и поищи для меня корабль, плывущий вниз по течению в направлении Александрии“; там же, стр. 100. В:

ницей, что употреблять подлинное имя собственное Νεῖλος никому в Египте, так сказать в домашних условиях, не приходило в голову.

Слово ποταμός, именно только потому не осталось при функции имени собственного, что оно сначала, попав в Грецию, стало нарицательным обозначением любых греческих рек, а затем всех рек, которые были известны людям, говорившим на греческом языке.

Экскурс о значении предлога ἐν

При обсуждении в Институте языкознания АН СССР моего доклада на эту тему было высказано соображение, что мое понимание двух мест Гомера может быть оспариваемо. Занявшись этим вопросом, я прежде всего должен был убедиться, что значения „на“, „у“ и „при“ в словарях указаны. Проверив, однако, все места, приводимые в словаре Лидделл и Скотт, как одном из наиболее подробных словарей, я, далее, убедился, что указанные значения числятся за предлогом ἐν необоснованно. Из них одно обусловлено тем, что лексикографы не проводят четкой грани между лексической семантикой и фразеологией, а другое — тем, что когда семантический облик слова в отношении части материала не выяснен и с основной передачей значения не согласуется, то лексикограф дает дословную передачу элементов той фразеологии, которая и подлежит передаче. Обычно такая рубрика учреждается не в сознании ее рабочего, временного, характера, а в том наивно-искреннем убеждении, что она адекватна соответствующей категории фактов.

В пределах сборной или гипотетической рубрики у лексикографов принято действовать в направлении межъязыкового соответствия слов порознь и установления значений в духе именно такого соответствия, без надлежащего учета семантической целостности фраз как таковых.

Когда Лидделл и Скотт в своем словаре дают другие значения предлога ἐν, то не только допустимо, но порой заслуживает предпочтения значение „в“ = „в пределах чего“: а) копье ломается в пределах дровка: κητεκλάσθη ἐνὶ κτυλῶ (Илиада, 13, 608 и 17, 607), но никоим образом не на дровке и не у дровка; б) у лучника рвется тетива, находящаяся, как известно, в составе лука: Τεῦκρον... ὅς οἱ εὐστρεφέα νευρὴν ἐν ἀμύμονι τόξῳ ῥῆξ' ἐπὶ τῷ ἐρούοντι (Илиада, 15, 463); в) в мече блещут гвозди: βάλετο ξίφος ἐν δέ οἱ ἦλοι χρύσειοι πάμφαινον (Илиада, 11, 29); эти гвозди находятся в рукояти меча, следовательно, в самом мече, поэтому можно сказать, что они в нем блещут; разумеется, мыслимо сказать также, что они блещут на мече; но данных в пользу такого понимания в названном месте нет никаких; г) снег тает в горах, т. е. среди гор, хотя

Ἦντο; δὲ αὐτοῦ πλησίον τοῦ ποταμοῦ παιδίσκη τις Αἰθίοπισσα ἐλθοῦσα ἤψατο τῆς μηλωτῆς αὐτοῦ „В то время как он находился вблизи реки, девица эфиопка подошла и притронулась к его овчине.“

лежит он не только в горах (= среди гор), но и на горах (Одиссея, 19, 205): *ὡς δὲ χιῶν κατετήκετ' ἐν ἀκροπόλοισιν ὄρεσσιν* „подобно тому как таял снег среди высоких гор“ (перевод мой).

Все упомянутые случаи употребления предлога *ἐν* и его перевода иными предлогами, чем точно отвечающие по значению русскому предлогу „в“ с предложным падежом, при ближайшем их рассмотрении оказываются не отличающимися от тех, в которых предлог *ἐν* имеет свое нормальное значение.

* * *

Переходя к слову *τάφος* „ров“, укажем, что в этимологическом словаре Бузака при слове *τάφος* делается ссылка: *voy. s. v. θάπτω*; а под словом *θάπτω*, *асг. pass. ἐτάφην* „хоронить“ имеются слова *ἄθαπτος* „непохороненный“, *τάφος* „похороны“, „могильный памятник“, *ταφή* „захоронение“, „могильный холм“; оно сопоставлено с армянским *damban sépulcre*; дана ссылка на предложенное ван-Вийком (*N. van Wijk IF 24. 31 sq.*): др.-сев. *dammr*, ср.-верхне-нем. *tam* „ров“ (*digue*), обще-нем. **damma-z- < damb-ma-z*, *ie *dhomb-mo-s* „се qui semble préférable à l'étym. indiquée s. v. θαμά“.

Без всякого сомнения, слово *τάφος* напоминает формы глагола *θάπτω*. Но этимолог должен всегда помнить о том, что язык изобилует неожиданностями так называемой народной этимологии. У Гомера (Илиада, 12, 50, 52) слово *τάφος* встречается в следующей связи (соответствующие слова выделены и в оригинале и в переводе):

*ὡς Ἐκτωρ ἄν' ὄμιλον ἰὼν εἰλίσσεθ' ἐταίρων,
τάφρον ἐποτρύνων διαβαινέμεν. οὐδέ οἱ ἵπποι
τόλμων ὠκύποδες, μάλα δ' ἐχρημέτιζον ἐπ' ἄκρῳ
χείλει ἐφεσταίτες· ἀπὸ γὰρ δείδισσετο τάφος
εὐρεῖ, οὗτ' ἄρ' ὑπερθόρειεν σχεδὸν οὔτε περῆσαι
ρήϊδιη· κρημνοὶ γὰρ ἐπηρεφέες περὶ πᾶσαν
ἕστασαν ἀμφοτέρωθεν, ὑπερθεν δὲ σκολόπεσσιν
ὀξέσιν ἠρήρει, τοὺς ἕστασαν υἱὲς Ἀχαιῶν
πυκνοὺς καὶ μεγάλους, δῆϊων ἀνδρῶν ἀλεωρήν.*

„Так же и Гектор, толпы обходя конеборных троянцев,
Просьбами ров перейти побуждал их. Но даже и кони
Рва перейти не решались; вздымались и страшно храпели,
Стоя над самою кручею; пугал их тот ров, чрез который
И перейти было трудно и с края его перепрыгнуть.
Круты, обрывисты были с обеих сторон его стенки,
С той стороны частокол заостренный над ним поднимался, —
Крепкий, высокий, который воздвигли ахейские мужи,
Чтобы служил им надежной защитой против троянцев“.

(Перевод В. В. Вересаева).

В этих стихах Илиады край рта обозначен словом χεῖλος „губа“. Но этому краю противопоставляется ров, названный словом τάφρος женского рода.

В этой связи, поскольку собственным значением слова χεῖλος является „губа“, напрашивается мысль о возможности сопоставления слова τάφρος „ров“ с обозначением такой части тела, соотношение которой с губами сходно с соотношением между рвом и его краем: эта часть тела „зев“ или „пасть“ обозначается по-коптски словом тапро. Оно известно в свою очередь в переносном употреблении.

Что же касается ударения, то его нахождение не на конце — нормально, свидетельствуя при этом, что суффикс -ρός в обсуждаемом слове не усматривался. А тем самым отпадает и грамматическое основание к сближению с θάπτω.

Соответствие египетского [p] греческому [ph] нельзя назвать исключительным способом передачи египетского [p], и в связи с этим приходится оставлять открытым вопрос, не вызвано ли присутствие придыхания в ней народноэтимологическим сближением слова τάφρος со словами ἐτάφην и τάφος.

* * *

В заключение обратимся к слову ψέγω „порицать“, „хулить“.

При объяснении происхождения слова ἀφυσγέτος „ил“ (речь идет об иле, выносимом рекой из ее устья в море) выше указывалось, что это существительное образовано при помощи суффикса -έτος от глагола *ἀφύσγω „плевать“, „выплевывать“, получившегося из контаминации египетского заимствования, глагола *πύσγω „выплевывать“, с греческим глаголом ἀφύσσω „выбрасывать“, „вычерпывать“.

В работе „Египетские заимствования в греческом языке“ (стр. 164) обращено внимание на то, что египетские глаголы повторно попадали в греческий язык в форме сопряженного инфинитива (так называемого status constructus), получавшей при заимствовании то или иное греческое окончание.

При выяснении этимологии глагола σπείρω „сеять“, объясненного как сопряженная форма египетского инфинитива каусативного глагола šhr, мы видели,¹ что гласный [e] наличествовал только между третьим и четвертым согласным сопряженной формы инфинитива. При заимствовании сопряженной формы египетского трехслогового глагола pšg, абсолютная форма которого восстанавливается в составе звуков *pō:s^og,² можно ожидать сходное явление, следовательно, форму *pseg.

¹ П. В. Ернштедт, ук. соч., стр. 121 и сл.

² Как изложено в моем более пространном исследовании (ук. соч., стр. 157 и сл.), гласный [o:] подвергся замене гласным [u:], каковой в условиях закрытого слога подлежал замене краткостью.

В основе значения греческого глагола должно было лежать какое-то значение, ближе стоящее к материальному бытию, и мы полагаем, что значения „выплевывать“ или „оплевывать“ предшествовали значению „порицать“, „хулить“. При этом глагол прошел через стадию значения, которую проделал и глагол ἀποπτύω „выплевывать“ > „отвергать“ > „презирать“, „низко оценивать“; ср. аорист ἀπέπτυσα в значении нашего „тьфу!“, дословно „я сплюнул!“. Наличие именно этого отрицательно-оценочного оттенка значения, а именно оттенка в смысле „презрительности“, между прочим отмечено в Берлинском словаре египетского языка под словом pšg.
